

УДК 81'276.5 +81'42
DOI: 10.17223/1998863X/32/23

Т.В. Рогович

«АНТИЯЗЫК» КАК СОЦИАЛЬНАЯ ФОРМА ЯЗЫКА НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОГО ПРОТЕСТНОГО ДИСКУРСА 2011–2012 ГОДОВ

Рассматриваются языковые практики российской «народной» оппозиции, возникшей во время протестов 2011–2012 года. Для их описания вводится концепт М.А.К. Халлидэя «антиязык» практически отсутствовавший в российской социолингвистике. Результаты анализа демонстрируют, что речевые практики участников митингов и протестов могут описываться понятием «антиязык» и являются гораздо менее экстремальным примером, чем риторика революционеров.

Ключевые слова: протестное движение, антиязык, дискурс-анализ, социолингвистика.

Протестное движение, возникшее в России в декабре 2011 г., стало не только политическим событием, но и заметным языковым феноменом. При этом интерес к языку российского протестного движения проявляли не только исследователи, но и обыватели, о чем говорят, например, публикации в периодических изданиях, посвященные этому вопросу¹.

Развитие любого языка обусловлено социальными процессами, происходящими в обществе. Вполне естественно, что такие социальные потрясения, как революции и гражданские войны, имеют значительные языковые последствия, так как во время них «смещаются границы диалектных явлений, нарушается прежний нормативно-стилистический уклад языка, обновляется политическая лексика и фразеология» [1. С. 28–29].

Однако к приведенному определению можно сделать важное дополнение: в процессе социальной борьбы враждующие группы могут становиться носителями особого языка, выражающего ценности группы и являющегося определенным кодом «свой – чужой». Наблюдая за социальными процессами, происходящими в современной нам России, в частности за деятельностью и активностью протестного движения, возникшего в декабре 2011 г., мы пришли к мнению, что в отечественной социолингвистике отсутствует понятие или концепт, который бы мог описать язык, на котором общаются между собой участники этого движения.

Язык протестного движения России 2011–2012 гг. хорошо доступен для изучения (также его иногда называют языком «снежной революции»²). Основные материалы – это записи участников протестного движения в социальных сетях (Facebook, Twitter, LiveJournal), а также плакаты, с которыми люди выходили на митинги (фотогалереи, выборка социологических исследований, сетевые ресурсы, где активисты собирают фольклор «снежной революции»).

---

¹ Например, словарь мемов «Новая политика» на сайте afisha.ru.

² Так, например, группа по сбору материала, связанного с языком протестных движений, инициированная исследователем В.Ф. Лурье, носит название «Фольклор Снежной революции».

К настоящему времени опубликовано более двух десятков работ по исследованию протестного движения и его языковых практик. Так, в марте 2012 г. вышел сборник «Антропологический форум» с подсекцией «Протестные митинги в декабре 2011 г.: опыт оперативного исследования». Разрабатывают эту тему аспиранты и преподаватели Европейского университета в Санкт-Петербурге, результаты исследований они представляют на конференциях и круглых столах¹. Выходят монографии, например: А. Левинсон «Пространство протеста. Московские митинги», Д. Громов «Уличные акции (молодежный политический активизм в России)». Однако стоит заметить, что эти исследования проводятся по большей части социологами и антропологами и носят, по большей части, характер описания полевых исследований. Языковой пласт, несмотря на то, что собран достаточный для анализа массив, остается не разработанным на исследовательском уровне. Именно в этом мы видим актуальность настоящей работы.

Мы считаем уместным рассматривать язык протестного движения в рамках дискурса языка революции. Конечно, массовые протесты не всегда ведут (да и не всегда претендуют) к кардинальному слому сложившегося уклада жизни. Но с участниками революций протестантов и митингующих объединяет стремление этот уклад изменить. Соответственно, мы можем говорить о том, что языковые практики, направленные на осуществление этих изменений, должны иметь схожий характер. Традиция изучения языка революций достаточно сильна в отечественной социолингвистике. Язык эпохи Октябрьской революции и Гражданской войны блестяще описан по горячим следам такими исследователями, как Р. Якобсон («Влияние революции на русский язык», Прага, 1921), А. Баранников («Из наблюдений над развитием русского языка в последние годы», Самара, 1919), А. Горнфельд («Новые словечки и старые слова», Петербург, 1922), Е. Ремпель («Язык революции и революция языка», Рига, 1921), В. Шкловский («Современный народный юмор», Москва, 1922). Наиболее значимы для нас работы С. Карцевского («Язык, война и революция»), А. Селищева («Язык революционной эпохи») и профессора Страсбургского университета А. Мазона («Лексика войны и революции в России (1914–1918)»). Здесь стоит заметить, например, что Карцевский в своем очерке после анализа новых слов и словообразовательных морфем, получивших распространение в годы революции, пишет следующее: «Говорить же о “революции” в русском языке нет никаких оснований. Все процессы словотворчества, которые мы рассмотрели, являются обычными процессами, совершающимися в живом языке непрерывно, хотя и в менее ускоренном темпе» [2. С. 320]. Однако Селищев, по сути соглашаясь с позицией Карцевского, делает следующее замечание: «В революционные годы много прежних слов было утрачено в связи с пережитыми событиями: утратили значение в общественной жизни те предметы и явления, к которым относились эти слова. Много слов изменило свое значение тоже в связи с обстоятельствами этого времени, в связи с настроениями и переживаниями общественных групп» [3. С. 190]. Это замечание очень важно в контексте нашего исследования, потому что оно имеет отсылку на проблему со-

---

¹ Например, конференция «Российское общество в поисках публичного языка: вчера, сегодня завтра» Европейского университета в Санкт-Петербурге (январь 2013 г.).

циального конструирования реальности посредством языка. А именно эта проблематика онтологической связи языка группы и ее социальной деятельности, по нашему мнению, делает невозможным определение языковой практики участников протестных движений через существующие в современном русском языкознании понятия.

Так, для описания языка отдельной группы, который не представляет собой целостной системы коммуникации, а имеет словарь и грамматику национального языка, в структуре социолектов русского языка выделяют несколько понятий: жаргон, арго, сленг. Причем эти три понятия зачастую не разделяют, а используют как синонимы. Нам представляется, что эти концепты не подходят для того, чтобы определить язык протестного движения, поскольку они не отражают его глубинную направленность на преобразование реальности (подробнее на этом несоответствии мы останавливаемся ниже). Мы предлагаем ввести в структуру русского языка новый концепт для описания языковых практик участников протестного дискурса – антиязык.

Концепт антиязыка был введен в российскую лингвистику в 1993 г. в переводе работы австралийского лингвиста польского происхождения Анны Вежбицкой¹. В частности, в небольшом параграфе приводится определение концепта «антиязыка» через концепт «антиобщество». «Антиобщество – это общество, которое существует внутри другого общества как альтернативное. Это способ выражения сопротивления – сопротивления, которое может принимать форму пассивного симбиоза, враждебности и даже разрушения. Антиязык не только существует параллельно с антиобществом – на деле он порождается им» [4. С. 107]. Это определение из фундаментальной работы «Анти-языки» (Anti-languages)² Майкла Халлидэя, британского лингвиста, коллеги Вежбицкой по университету Кранберри. Работа эта опубликована в 1976 г., и, учитывая, что и сегодня эта статья труднодоступна для российского исследователя, можно предположить, что определение, приведенное Вежбицкой, на долгие годы оставалось единственным упоминанием этого понятия в отечественной социолингвистике.

На данный момент в отечественной социолингвистике отсутствуют работы, посвященные понятию «антиязык». Данная статья может расширить круг понятий, который существует в современном русском языке для описания речевых практик отдельных групп. Кроме того, статья имеет определенную ценность для исследователей политического дискурса. Учитывая общемировой рост числа протестных движений, введение такого концепта, в частности, в рамках протестного дискурса в целом может быть полезным при описании языковых практик его участников.

Язык протестного движения исследуется нами по следующим материалам:

1. Плакаты митингов 2011–2012 гг.
2. Сообщения участников протестного дискурса в социальных сетях и блогах.

---

¹ Вежбицкая А. Антигосударственный язык в Польше: механизмы языковой самообороны // Вопросы языкознания. 1993. № 4. С. 107–125.

² Halliday M.A.K. Anti-languages // American anthropologist. 1976. P. 570–584.

В данном исследовании мы сосредоточиваемся на языке плаката, а сообщения в социальных сетях и блогах мы используем для объяснения значения и расширения контекстов тех слов и выражений, которые были выбраны для демонстрации на митингах. Исследование языка плаката кажется нам достаточно репрезентативным, потому что мемы и сообщения, зародившиеся в Интернете, прошли своеобразный фильтр на образность, популярность и метафоричность, получив второе рождение на плакатах и в лозунгах митингов 2011–2012 гг.

Прежде, чем перейти к дальнейшему исследованию, нам бы хотелось сделать замечание, почему мы считаем, что язык протестного движения в России 2011–2012 гг. нельзя рассматривать в рамках парадигмы интернет-языка, как это делают, например, публицисты и журналисты.

Язык российского протестного движения 2011–2012 гг. теоретически можно рассматривать как язык интернет-сообщества, потому что группа изначально была сформирована на площадках социальных сетей и блогов. По определению, данному В.Н. Поправко, интернет-сообщество – это «группа индивидов, удаленно взаимодействующая в рамках компьютерно-опосредованного пространства того или иного веб-ресурса продолжительный период времени, фундированная общей целью накопления или преобразования символического продукта (информации, медиа)» [5, С. 31]. По специфике используемых каналов коммуникации и взаимодействия участников между собой мы можем утверждать, что по своей природе перед нами виртуальное сообщество. Но при этом мы не можем говорить о том, что это интернет-комьюнити в чистом виде: основными его платформами становятся социальные сети (в первую очередь facebook), twitter и, в какой-то степени, блоги, но при этом отсутствует единая площадка, которая бы объединяла всех участников сообщества. Можно говорить о том, что границы этого сообщества не столько временные или физические, сколько символические – участники объединяются не на каком-то ресурсе, а посредством некоторого символического кода, играющего роль «фильтра» при включении в сообщество. Основные единицы распространяемой информации внутри сообщества – социально значимая информация (например, призывы пойти на выборы 4 декабря) и интернет-мемы, выражающие политическую позицию участников сообщества. На этом основании мы могли бы говорить о том, что для становящегося протестного движения в России 2011–2012 гг. характерен интернет-язык или интернет-жаргон. Однако М. Кронгауз говорит о том, что как такового интернет-языка не существует, «точнее, то, что существует, никак нельзя назвать языком. Это языковые приемы, отдельные выражения и слова, характерные для речи многих пользователей Интернета, независимо от их возраста, пола и образования. Есть, впрочем, приемы и словечки, специфические именно для отдельных групп. Они характеризуют эти субкультуры и относятся к соответствующим жаргонам. Иногда одно слово, отдельный жаргонизм разрывает границы собственной субкультуры и становится значимым для всего Интернета, иногда такое происходит не с отдельным жаргонизмом, а с целым жаргоном» [6, С.102]. То есть по существу исследователь отказывает нам в возможности использовать концепт интернет-языка

для описания языковой практики участников российского дискурса, а предлагает расчленять этот «язык» до отдельных жаргонов и «социолектов».

Итак, сделав это замечание, рассмотрим другие подходы к оценке языка протестного движения. Как уже отмечалось нами, несмотря на волну социологических и антропологических исследований, которые последовали после митинга на Болотной площади 10 декабря 2011 г., был проведен преимущественно количественный контент-анализ языка митингов и протестного движения в целом. Попытки представить анализ этого языкового явления были, но они носили эпизодический характер.

Так, М. Алексеевский¹ предпринимает попытку анализа языка плакатов митингов декабря 2011 г. в парадигме студенческих выступлений во Франции 1968 г. Как фольклорист, Алексеевский обращается к культурно-историческому контексту и вводит в исследование имя О. Ребуля – французского философа, опубликовавшего в 1975 г. «Le slogan»², посвященную анализу лозунгов мая 1968 г. Так, Алексеевский пишет, что Ребуль отмечает следующее: «По своей природе лозунги являются средством политической пропаганды, которая часто имеет антигуманный посыл (разжигание расовой или классовой ненависти, провоцирование нетерпимости, агрессии). По его мнению, действенным оружием против таких лозунгов должны стать контрлозунги, продвигающие идеи гуманизма, мира, толерантности» [7. С. 155]. Однако Ребуль говорит важную для нас вещь, что «различия между этими типами лозунгов должны быть не только смысловыми: обычные политические лозунги направлены на то, чтобы провоцировать определенное действие (показательно, что они часто формулируются как призывы); альтернативой им Ребуль считает «антилозунги», которые основаны на парадоксе и юморе, поэтому должны стимулировать не прямое действие, а работу мысли» [7. С. 155]. Для нас представляет некоторую ценность, что относительно плакатов и лозунгов студенческих волнений в мае 1968 г. (например, «Будьте реалистами – требуйте невозможного», «Запрещать запрещается», «Вся власть воображению» и т.д.) Ребуль использует определение с приставкой «анти», которая создает и в этом контексте некую коннотацию вселенной «анти», которой оперирует Халлидэй. На самом деле для нас важно, что в этом комментарии Ребуль отмечает такой момент, что контрлозунги являются инструментами, которые реальность протеста с ее антигуманным посылом преобразуют в реальность мира и толерантности. Интересно, что митинг 10 декабря 2012 г. в обсуждении «до» и «после» в социальных сетях его участники, а также представители СМИ (lenta.ru, gazeta.ru) называют «мимимитинг». Междометие «мимими» вышло из среды интернет-пользователей

Кроме того, Алексеевский в своей статье вводит понятие «карнавализация»³, приводя пример уличных протестов в Сербии в 1996–1997 гг., причиной которых стала попытка президента Слободана Милошевича отменить

¹ Алексеевский М. Кто все эти люди (с плакатами)? // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 155.

² К сожалению, работа Ребуля с 1975 г. не переиздавалась ни на каком языке, кроме французского, что сделало невозможным для нас изучение данного труда. Поэтому последующие цитаты из книги «Le Slogan» приводятся по статье М. Алексеевского.

³ См. там же, с. 157.

результаты выборов в органы местной власти, где победу одержала оппозиция. Основную часть протестующих составляли студенты, их лозунги и плакаты отличались остроумием и ироничностью. Это тоже достаточно интересно для нас, потому что, как мы знаем, в центре концепции карнавала находится идея об «инверсии двоичных противопоставлений»¹, т. е. переворачивание смысла бинарных оппозиций. Обратимся вновь к исследованию Подгорецкого²: антиязык того рода, который он исследует, ярко показывает роль языка как отражения структуры власти в обществе. Антиязыки криминальных и тюремных субкультур наиболее чётко определены, потому что они имеют отсылку к альтернативным социальным структурам, так же как и дополнительные черты секретных языков и профессиональных жаргонов. Косвенность значения и формы, которая делает их настолько эффективными в качестве носителей альтернативной реальности, также делает их комичными по своей природе – так как они отражают другой аспект той же реальности, которую воспринимают говорящие. И хоть не все антиязыки являются протестными, но, как мы видим, природа протеста и противостояния естественна для их существования.

Таким образом, «несерьезный» характер плакатов, используемых во время серьезного «дискурса», мы, в терминах Халлидэя, можем полагать инструментом, который осуществляет поддержание некоей антиреальности. В чем же состоит эта антиреальность? Перейдем к попытке определения языка участников протестного движения России 2011–2012 гг., как к антиязыку. Приведем и рассмотрим язык протестного движения России 2011–2012 гг. с точки зрения этих критериев.

1. Антиязык определяется через понятие антиобщества, которое существует внутри другого общества как осознанная ему альтернатива.

Антиязык проводится группой протестантов, которые принципиально себя позиционируют «мы не оппозиционеры, мы народ» [8. С. 135]. Таким образом, мы видим некую маргинальную группу, поводом для образования которой формально стало недовольство результатами выборов в Государственную думу Российской Федерации, а неформально – недовольство сложившейся политической ситуацией³. На данном этапе отношения этой группы с устоявшимся обществом, в терминах Халлидэя, можно определить как неоткрытую враждебность и ненасильственное противостояние.

2. Информация о лексике антиязыка, подобно ранним записям языков экзотических культур, обычно доходит до исследователя в виде списка слов.

Язык протестного движения доступен нам по плакатам митингов 2011–2012 гг., общению участников протестного дискурса в Интернете и в основном представлен списком слов, выражений и мемов.

3. Самая простая форма, которую принимает антиязык – релексификация.

Происходит релексификация национального языка в корпусе понятий, связанных с мошенничеством, обманом, отношением властимущих и на-

¹ См. *Бахтин М.М.* Франсуа Рабле и народная смеховая культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.

² См. *Podgorecki A.* «Second Life» and Its Implications. Mimeograph. P. 20.

³ Нужно отметить, что на период митингов президентом РФ был еще Д. Медведев, а следовательно, мотивы недовольства личностью В. Путина присутствуют, но их еще нельзя назвать ведущими.

рода. Происходит это в основном на уровне существительных («146 процентов», «снежная зима», «распределение Гаусса», «жулики и воры» и т.д.) и глаголов («чуровать», «обволшелбили» и т.д.). Так, на митинге 24 декабря из 1384 плакатов, доступных в нашей выборке, 10 были посвящены мему «146 процентов», 13 – «волшебство», 7 – «Гаусса», 34 – «жулики и воры», 2 – «зима», 12 – «чур», «чуровать», 65 – «чуров».

4. Принцип формирования антиязыка следующий: грамматика нормативного языка, но другой вокабуляр.

Изменения в языке коснулись только лексики, не затронув грамматику.

5. Эффективная коммуникация заключается в обмене смыслами, непонятными для аутсайдера.

Активно используются мемы, разработанные в интернет-общении участниками дискурса до того, как выйти с ними на митинги. Как правило, мемы выполняют функцию разделения «свой – чужой», потому что несут в себе некую метафору, непонятную постороннему наблюдателю без погружения в контекст. Также об успешной кодификации языка можно говорить на примере аккаунта в сети Twitter СМИ Lenta.ru. Если в новостных заметках журналисты издания не позволяют себе «хулиганства» с использованием антиязыка протестного движения, то для продвижения этих новостей в социальных сетях «хулиганить» разрешено. Так, на сообщение в Twitter с текстом: «А почитайте статью, как главный волшебник изумрудной России говорит, что он ничего не чуровал»¹ (ссылка на статью с интервью председателя ЦИК Чурова), пришло порядка 50 откликов, общее содержание которых можно свести к следующим: «Как я должен понять из анонса о чем речь?», «Пишите анонсы уже нормальными словами!», «Лента, вы вообще с кем здесь разговариваете?».

6. Антиязык – это не опциональное дополнение, а фундаментальный элемент существования «антиобщества» и феномена «второй жизни».

Вопрос о том, что язык протестного движения является основополагающим для существования протестного движения, представляется нам достаточно интересным. Митинг 10 декабря 2012 г. на Болотной площади социологи называют «восстанием новичков»², потому что большая часть вышедших на площадь людей ранее в митингах не участвовала. Так, 64% людей, пришедших на митинг на проспект Сахарова, были максимум на втором подобном мероприятии в своей жизни³. Причем среди причин, побудивших их прийти, респонденты называли предшествующую интернет-дискуссию и возможность выразить себя. Стоит отметить, что количество плакатов на митинге 24 декабря в процентном соотношении превышает почти в 2 раза количество плакатов на митинге 10 декабря. В терминах Халлiday, мы можем говорить о том, что в таком количественном росте проявляются тенденции соревнования и выразительности – характерные, но не определяющие антиязыка. Но некоторые респонденты высказывались, что «возможность сделать плакат» или «огромное количество людей с интерес-

¹ Архив Twitter-аккаунта @lentarofficial. Сообщение от 15 января 2012 года.

² Громов Д. «Мы не оппозиция, а народ»: новые черты уличного политического акционизма // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 136.

³ См.: Там же. С. 140.

ными плакатами» были определяющими при решении пойти или не пойти на митинг. Поэтому мы можем говорить о том, что язык протестного движения является очень важным фактором самоидентификации этого антиобщества, поддержания его и контрреальности, им генерируемой. В самом широком смысле поддерживающими реальность другими будут все те, кто использует тот же самый язык.

7. Важная особенность антиязыка – метафора. При этом он сам по себе, как явление метафоричен устоявшемуся языку.

Халлидэй, говоря о метафоре, подчеркивает, что в случае с антиязыком нам важны не то, как преобразуются понятия, которые заменяются, а важно, какие именно понятия подлежат релексификации. В рамках протестного дискурса нам важно выделить, что массовой метафоризации подверглись следующие положения:

- Лидер страны, правящая партия, политический режим (например, «удав Пу», «жулики и воры», «стабильность»).
- Самоидентификация (например, «разъяренные хомячки», «бандерлоги», «адепты Гаусса», «бараны», «сердитые горожане»).
- Обман, жульничество, мошенничество (например, «чуровать», «идти против Гаусса», «карусель»).

Нам представляется важным выделение этих категорий, потому что они помогают нам осознать проблемы и требования протестного движения. Исходя из того, какие классы понятий были подвержены релексификации, мы можем говорить, что для протестного движения очень важна проблема самоидентификации – они пытаются определить себя не через понятие «оппозиционного движения», которое в нашей стране имеет коннотации бессмысленного и беспорядочного сопротивления, они пытаются отделить себя от него и представиться частью народа. Но в то же время, судя по самоназваниям, они от понятия «народа» тоже дистанцируются, вводя в них дескрипции, которые определяют их как интеллигентов со средним уровнем доходов. Говоря о метафорах для обозначения власть имущих, стоит отметить, что релексифицируются исключительно личности Д. Медведева и В. Путина, правящей партии и связанной с ее правлением ситуации в стране («стабильность»). В целом не представлены анархичные или революционные настроения, всем предлагается тихо уйти или просто прибегнуть к изменениям. Поэтому мы можем говорить, что «сердитые граждане» требуют изменений и реформ, а не кардинального слома социального строя. История с третьим классом понятий обмана тоже достаточно характерна, потому что в ней раскрывается стереотип о «смирении» и «честности» русского человека. Таким образом, можно говорить, что только явный обман может побудить к действию.

8. Самообновление лексики антиязыка – ответ на постоянное давление устоявшейся реальности.

Несмотря на то, что после зимы 2012 г. такое явление, как массовые митинги с большим количеством визуальных лозунгов, сошло на нет, мы можем продолжать отслеживать язык протестного движения в социальных сетях. Причем мы можем рассматривать общение как лидеров движения (А. Навальный, Б. Акунин, К. Собчак, официальный Twitter-аккаунт

@lentaruofficial), так и простых обывателей. Стоит сказать, что постоянное обновление лексики действительно происходит. После событий 2012 г. в основном она касается деятельности президента и Следственного комитета (в отношении дел, связанных с протестными выступлениями). Так, например, после новости в сентябре 2012 г. о полете президента В. Путина во главе клена стерхов появился массив лексики, связанный с мотивами животного царства (например, «верховный стерх», «предводитель корюшки» и т.д.).

Таким образом, несмотря на то, что язык протестного движения не является таким ярким случаем антиязыка, в отличие от языка революции, мы можем говорить, что речевые практики участников протестного дискурса России 2011–2012 гг. можно определять этим концептом.

Сегодня, когда исследователи говорят о появлении новых культур и феноменов в жизни общества (например, цифровая культура), очень важно, чтобы в понятийном аппарате исследователей был такой концепт, который бы отвечал задачам описания новых явлений. Благодаря развитию цифровых технологий, открытиям в областях естественных наук, мы все чаще и чаще сталкиваемся с ситуацией возникновения новых смыслов, новых сущностей и новых реальностей, которые они порождают. И концепт антиязыка, или по крайней мере заложенная в него идея поддержания существования антиреальности, кажется достаточно перспективным, чтобы помочь исследователям дать ответ на вызовы нового времени.

Литература

1. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. М.: Аспект Пресс, 2006.
2. Карцевский С.О. Язык, война и революция: Научно-популярный очерк // Современные записки. 1922. Кн. X.: Культура и жизнь. С. 320.
3. Селищев А.М. Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет. 1917–1926. М., 2003. С. 190.
4. Вежбицкая А. Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны // Вопросы языкознания. 1993. № 4. С. 107–125.
5. Поправко В.Н. Интернет-сообщества: специфика и роль в формировании социального пространства: дис. ... канд. социол. наук. Томск, 2011. С. 31.
6. Кронгауз М. Самоучитель албанского М.: АСТ, Corpus, 2013. С. 102
7. Алексеевский М. Кто все эти люди (с плакатами)? // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 155.
8. Громов Д. «Мы не оппозиция, а народ»: новые черты уличного политического акционизма // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 135.

Rogovich Tatiana V. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

DOI: 10.17223/1998863X/32/23

ANTI-LANGUAGE AS A SOCIAL FORM OF LANGUAGE ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN PROTEST DISCOURSE (2011-2012)

Keywords: protests, social movements, identity, anti-language, sociolinguistics.

Analysis of language practices of Russian protesters in the winter 2011-2012 revealed that state of art in Russian sociolinguistics is missing a concept that can be used as an adequate definition for these practices. Sarcastic, metaphorical, humorous language of protesters received phenomenal attention of social scientists but mostly in a sociological prospective as a tool of middle class self-manifestation. Attempts to classify this language phenomenon were very limited. Nevertheless, the similarities between winter 2011-2012 protest discourse and language shifts accompanying revolutions are rather apparent. Even though, revolutionary discourse is apparently an extreme case of social 're-construction' of reality, "carnavalesque" protest language formed in the winter 2011-2012 has properties and features resembling it. Albeit a fact that Russian sociolinguistics was heavily formed

during revolution in the beginning of the 20th century, the unified concept for revolution's language definition was not crystallized. Present article proposes to use a concept "anti-language" introduced by British sociolinguist M.A.K. Halliday as a proxy for description of protest and revolutionary language. Author is distinguishing the main features of "anti-language" and analyzing protest discourse of the winter 2011-2012 in order to find them. The conclusion is that this concept is more appropriate definition for protest and revolutionary discourse than terms generally accepted in Russian linguistics (e.g. jargon, sociolect, etc.). In future will be established links between concepts of anti-language (Halliday), carnivalesque (Bakhtin) and social construction of reality (Berger and Luckmann). Based on that Halliday's concept of anti-language will be refined and complemented.

References

1. Mechkovskaya, N.B. *Sotsial'naya lingvistika* [Social Linguistics]. Moscow: Aspekt Press.
2. Kartsevskiy, S.O. (1922) *Yazyk, voyna i revolyutsiya: Nauchno-populyarnyy ocherk* [Language, war and revolution: an essay]. *Sovrememye zapiski*. X. p. 320.
3. Selishchev, A.M. (2003) *Yazyk revolyutsionnoy epokhi: Iz nablyudeniy nad russkim yazykom poslednikh let. 1917–1926* [Language of the revolutionary era: From the observation of the Russian language in recent years. 1917–1926]. Moscow: Librokom.
4. Wierzbicka, A. (1993) *Antitotalitarnyy yazyk v Pol'she: mekhanizmy yazykovoy samooborony* [Antitotalitarian language in Poland: the language of self-defense mechanisms]. *Voprosy yazykoznaniya*. 4. pp. 107–125.
5. Popravko, V.N. (2011) *Internet-soobshchestva: spetsifika i rol' v formirovanii sotsial'nogo prostranstva* [Online communities: Specifics and role in the social space]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Tomsk.
6. Krongauz, M. (2013) *Samouchitel' albanskogo* [A Self-Teacher of Albanian]. Moscow: AST, Corpus.
7. Alekseevskiy, M. (2012) *Kto vse eti lyudi (s plakatami)?* [Who are all these people (with posters)?]. *Antropologicheskoy forum*. 16. p. 155.
8. Gromov, D. (2012) *"My ne oppozitsiya, a narod": novye cherty ulichnogo politicheskogo aktsionizma* ["We are not the opposition, but the people": new features of street political actionism]. *Antropologicheskoy forum*. 16. p. 135.